

# Книга I

## ДОРОГОЙ ДОЛГА (ХОСЕ ФРАНСИСКО ДЕ САН-МАРТИН)

*(Историко-биографические и художественно-психологические зарисовки эпохи борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке)*

«Будь тем, кем ты должен стать,  
а если нет, то не будешь никем».

*Из письма Хосе Франсиско  
де Сан-Мартина*

## ГЛАВА I. ЯПЕЮ, БУЭНОС-АЙРЕС, МАДРИД (1778–1789)

### ШТРИХИ К ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ИСПАНИЕЙ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Шла последняя четверть XVIII в. Далеко позади остались времена открытия и начала завоевания европейцами громадного материка, когда Христофор Колумб, одержимый идеей торгового пути в Индию и выполняя волю испанских монархов — Исабель Кастильской и Фернандо Арагонского, 12 октября 1492 г. ступил на один из островов того неизведанного мира, который затем получил название Америка.

С тех пор прошло более 250 лет. Обширные земли его южной части с тропическими лесами — сёльвой, громадными равнинами — пампáсами, высокими горными хребтами — кордильéрами и засушливыми каменистыми пустынями, представлявшими собой неизведанный для испанских поселенцев мир, были исследованы первопроездцами, покорены конкистадорами, заселены колонистами.

Их политическое, экономическое и культурное включение в состав Испанской империи привело к появлению крупных территориальных образований, управляемых на местах колониальной адми-

нистрацией, подчинявшейся испанской короне. И хотя образ жизни нового общества во многом был заимствован из Европы, среда обитания накладывала свои характерные особенности на жителей этого удаленного края.

В отдельных административно-хозяйственных единицах, постепенно сформировавшихся к концу XVIII столетия в заморских владениях испанских королей, над которыми, как говорили в те времена, «никогда не заходило солнце», например в вице-королевстве Перу (исторически игравшем центральную роль в освоении богатств Южной Америки), а также граничащем с ним на юге генерал-капитанстве Чили и в расположенной на юго-востоке провинции Рио-дела-Плата (совсем недавно получившей статус вице-королевства) к этому времени уже сложилась особая историческая, имевшая свой неповторимый колорит креольская нация — осознающая себя и свои интересы общность людей, потомков европейских эмигрантов, в различных формах смешавшаяся с коренным индейским населением и впитавшая в себя изрядное количество африканской крови завозившихся сюда на протяжении столетий чернокожих рабов.

Жизненно важные интересы креолов продолжали, как и раньше, находиться в зависимости от решений слабо знающего и часто не учитывавшего местные нужды и чаяния испанского чиновничества. Доходы, получаемые королем от этих земель, использовались прежде всего в целях укрепления опутанной династическими распрями и противоречиями монархии в Испании, ее положения в Европе, а также были направлены на защиту и продвижение политических и торговых интересов империи.

\* \* \*

Несмотря на произошедшую в испанском королевстве в начале XVIII в. смену правящей династии, когда стоявших у власти представителей австрийского императорского дома Габсбургов заменили отпрыски ветви французских Бурбонов, экономическая мощь Испании, основанная на феодальной ренте, продолжала ослабевать. Половина земель, принадлежащих клеру и знати, были изъяты из коммерческого обращения. По этой причине товарное производство было развито слабо.

Зерно и шерсть, являвшиеся основной продукцией местного сельского хозяйства (главной отрасли тогдашней испанской экономики), поступали на рынок, фактически не имея себестоимости и не требуя каких-либо денежных инвестиций в их производство, так как присваивались собственниками земли в силу рентных отношений. Потребление знати определялось стоимостью изымаемого прибавочного продукта.

Крестьяне, не обладая товарными излишками, практически не участвовали в торговле, что оставляло их без денежных средств и препятствовало накоплению капиталов, необходимых для перехода к стадии мануфактурной промышленности (основе буржуазных преобразований). Те свободные средства, которые все-таки оседали у местных торговцев, в большинстве случаев не находили приложения из-за сохранявшейся феодальной структуры общества.

Более того, поток драгметаллов из колоний привел к повышению цен на товары, а также обусловил рост доходов ремесленников и заработной платы лиц наемного труда. Испанским купцам стало выгоднее приобретать иностранные промышленные изделия и перепродавать их, чем развивать собственные фабрики и промыслы. Из-за постоянных войн и оттока эмигрантов в Америку страна испытывала недостаток квалифицированных рабочих рук, что являлось еще одной причиной общей экономической отсталости Испании по сравнению с ведущими европейскими державами той эпохи — Англией, Францией, Голландией.

В рамках сохранившейся при короле Карлосе III монархии, основанной на принципе «просвещенного абсолютизма» — «правление для блага народа, но без его участия», группой министров-либералов (Флоридабланкой, Арандой, Кампоманесом, де Олавиде и др.) была начата политика феодального реформизма. Совет Кастильи, главный орган управления на Пиренейском полуострове, разрешил в 1768 г. распашку общинных земель, но их свободная продажа стала возможной лишь в следующем веке.

Благодаря реформам, встретившим сильное сопротивление, в том числе и со стороны католической церкви (крупнейшего землевладельца), несколько увеличилось производство текстиля, получили дальнейшее развитие виноделие, шелковые промыслы. Стали

основываться мануфактуры, включая государственные. В 1782 г. в Испании был создан первый коммерческий банк «Сан-Карлос».

В результате принятых мер страна во второй половине XVIII в. достигла относительного уровня материального благополучия. При этом доходы, получаемые из Вест-Индии, составляли около  $\frac{1}{4}$  поступлений казны. Тем не менее расходы были немалыми, из них около  $\frac{3}{4}$  приходилось на содержание армии в 186 тысяч солдат и флота, насчитывавшего 80 тысяч личного состава, что для страны с населением в 10,5 миллионов человек было тяжелой ношей.

Новая торговая политика, получившая название меркантилизма, стала ориентироваться на развитие внутреннего производства и торговую экспансию в зарубежные страны. Для защиты от иностранных товаров вводились таможенные пошлины. Но расширение рынка сдерживалось импортом и искажалось экспортом. Процветала контрабанда. Торговый баланс с Европой сводился с дефицитом, только реэкспорт драгметаллов из колоний позволял его удерживать. Протекционистские усилия не приносили ожидаемых результатов — простое соглашение между арендатором Кадисской таможни и иностранными купцами давало, например, французским товарам льготу в 40–50%.

В подобных условиях местные производители, конечно, не были способны удовлетворять ни национальный, ни колониальный спрос, поскольку не могли конкурировать с иностранной, прежде всего английской, промышленной продукцией. Заморские территории к тому же были слишком большие для слабого мануфактурного сектора Испании, а меркантилистский капитализм не мог привести к резкому и достаточному росту промышленности метрополии. Торговцы, составлявшие основу местной компрадорской буржуазии, больше думали не о вложениях в новые мануфактуры, а о расширении экспорта сельскохозяйственной продукции, с тем чтобы увеличивать закупки за границей промышленных товаров и перепродавать их в колонии (45% испанского импорта направлялось на удовлетворение нужд и потребностей заморских владений).

С 1717 г. иностранные купцы стали поставлять мануфактуру в Новый Свет через Севилью и Кадис. В 1762 г. только 17% товаров поступали в Америку непосредственно от испанских производителей.

лей. Таким образом, политика Карлоса III, имевшая своей целью повысить эффективность управления колониями с целью увеличения доходов для финансирования испанского мануфактурного производства, усиления конкурентоспособности испанских товаров на созданном для них гарантированном рынке Вест-Индии, хотя и обеспечила некоторый рост товарообмена (в 1787 г. он составлял уже 40–50%), в перспективе исторического соревнования с другими европейскими державами была обречена на неудачу.

В том, что касалось экономического фундамента всего комплекса отношений с заморскими территориями, прежде всего бросалась в глаза торговая монополия Испании, которая составляла основу деятельности так называемого Королевского совета по делам Индий (главного органа управления колониями) и являлась краеугольным камнем всех остальных сторон политических и социальных взаимоотношений метрополии и ее владений в Новом Свете.

Именно защита торговой исключительности и связанных с ней преимуществ стала главной мотивацией испанских действий на протяжении трех столетий колониального господства, объясняя наряду с династическими интересами перипетии тогдашней внешней политики Испании (особенно череду военных конфликтов с Англией, ведущей экономической державой того времени, отчаянно искавшей рынки сбыта для своей быстро развивавшейся промышленности в острейшей конкурентной борьбе с Францией). Этот клубок торгово-политических противоречий напрямую сказывался на всех без исключения сторонах общественной жизни колоний, предопределяя и формируя господствующие там настроения.

Если заглянуть немного в историю, то можно увидеть, что уже в 1503 г. (т. е. спустя всего десятилетие после Великих географических открытий) королевским указом была создана Торговая палата Севильи, получившая исключительное право на торговлю в Америке. Изначально Исабель Кастильская хотела, чтобы только подданные ее королевства — Кастилии пользовались данной привилегией, но после воссоединения с короной Арагона эти права были распространены на испанцев из других областей, хотя все корабли, уходящие и возвращавшиеся из Вест-Индии, должны были в обязательном порядке отправляться и заходить только и исключительно через порт Севилью.

Монополия Севильи в конечном итоге сослужила плохую службу для страны: она искусственно сдерживала развитие производительных сил и, в частности, создание сильного торгового флота, исключала стимулы для развития конкуренции и освоения новых рынков. Более того, именно она спровоцировала страстное желание прочих европейских держав всеми возможными силами и способами обойти установленные испанцами ограничения, не останавливаясь перед контрабандой, военными действиями, а в отдельных случаях и просто поощряемым монархами этих государств морским разбоем.

Именно по этой причине в 1526 г. вышел королевский указ, запрещающий одиночную навигацию торговых судов и предусматривавший создание «флотилий» галеонов, совершавших два раза в год под охраной военных кораблей коммерческие плавания между двумя континентами. К их прибытию в Южную Америку также два раза в год приурочивались и проводились торговые ярмарки в Портобэлью и Картахене де лас Индиас, что, конечно же, было недостаточным для удовлетворения растущего спроса местного населения и вызывало его справедливое недовольство препятствиями в торговле со стороны колониальных властей.

Указанное положение дел сохранялось с 1516 по 1713 г. Оно же породило пиратство в Карибском море, начатое французами. После воцарения на испанском престоле Филиппа Анжуйского и связанного с ним формального обещания открыть рынок колоний для французской мануфактуры эстафету морского отчуждения добычи, полученной испанцами в Новом Свете, подхватили английские корсары, имевшие патенты своих королей на грабеж колониальных богатств Испании. Некоторые английские пираты даже совершали сухопутные экспедиции в испанские владения не только с целью набегов, но и для налаживания с ними коммерческих связей (например, поход Ф. Дрейка в Панаму в 1572 г.).

Таким образом, Испания и ее колонии стали своеобразными заложниками и желанным призом в борьбе ведущих торгово-промышленных держав того времени — Англии, Голландии и Франции за торговую гегемонию. Только после Утрехтского мира, заключенного в 1713 г. и завершившего войну за испанское наследство, по которому Англия и Голландия получили ограниченные права на торговлю

с Америкой, феномен пиратства постепенно сошел на нет — флибустьеры перекалифицировались в работоторговцев и купцов.

Но процесс сдачи Испанией своих торговых позиций, обусловленный ее внутренней экономической слабостью, не прекращался. В 1717 г. Торговая палата была перенесена в Кадис, так как более мощные океанские суда с глубокой осадкой уже не могли подниматься вверх по течению реки Гвадалквивир в Севилью, что существенно ослабило монополию севильских купцов. В 1740 г. была отменена система «флотилий», которую чуть позднее заменили так называемые «регистрационные» суда, обязанные просто отмечаться в нескольких испанских портах, получавших разрешение на осуществление коммерческих связей с колониями.

Параллельно, с учетом требований креольской элиты, была разрешена торговля между самими американскими территориями. В 1778 г. 13 испанских и 24 американских порта, включая Буэнос-Айрес, имели право на осуществление торговых операций, что в итоге в 1790 г., когда колониям на время очередного военного конфликта с Англией была разрешена коммерция с нейтральными странами, привело к закрытию действовавшей почти 300 лет Торговой палаты Севильи — символа торговой монополии и экономического господства Испании на Американском континенте. В конце XVIII в. из примерно 300 миллионов реалов торгового оборота с колониями собственно на Испанию приходилось всего чуть больше половины — 153,7 миллиона.

В этот период именно торговые противоречия обусловили фактически непрерывную череду войн, когда Испания в рамках серии династических договоров с Францией, так называемых «Семейных соглашений», часто помимо своей воли оказывалась втянутой в военные действия с превосходящими в экономическом отношении силами — Англией и ее союзниками, где пришедшая к власти буржуазия выдвигала на первый план вопросы таможенной политики и торговых договоров, отождествляя с ними национальные интересы.

Во время уже упомянутой войны за испанское наследство англичане успели захватить Гибралтар и навязать Португалии Метуэнский договор, который подчинил ее экономически и создал базу для проникновения английской контрабанды на территорию Испании. В 1733 г. Англия после заключения первого «Семейного соглашения» объявила Испании войну и захватила Портобелью, попыталась

также овладеть Картахеной, но потерпела поражение. Затем, по результатам Семилетней войны (1756–1763), Испания, бывшая союзницей Франции, уступила Англии Флориду, хотя Франция компенсировала ей эту потерю уступкой Луизианы.

В 1776 г. вспыхнуло восстание в английских колониях в Северной Америке, оказавшее огромное влияние на настроение умов в Новом Свете. Испания, изначально совместно с Францией оказывавшая инсургентам материальную помощь против своего традиционно-го врага, уже в 1779 г. напрямую снова начала воевать с Англией. Однако в течение следующего десятилетия ситуация изменилась на противоположную — на следующий год после смерти в 1788 г. испанского короля Карлоса III практически закончилось действие «Семейных соглашений». На престол вступил Карлос IV, постаравшийся закрыть Испанию для распространения либеральных идей французских просветителей, а после революции во Франции Испания объявила ей войну.

Таким было положение дел в испанском королевстве и западноевропейском мире накануне описываемых событий.



\* \* \*

На другой стороне Атлантического океана в устье слияния рек Паранá и Уругвай, называвшегося дельтой Ла-Платы, в это время также происходили важные, хотя и не столь драматические, как в европейской истории, процессы. После начала колонизации испанцами указанных земель в первой половине XVI в., когда конкистадоры в погоне за сказочными богатствами Эльдорадо ценой невероятных усилий искали дороги в страну «Белого короля» (Перу), прошло много времени. Легенды развеялись, уступив место пониманию того реального природного богатства, которым обладали или могли дать при хозяйственном использовании эти земли.

Было начато освоение и заселены обширные территории вплоть до Андского хребта, на восточной стороне которого произошла встреча двух потоков испанских поселенцев: одного, идущего из Перу и Чили, другого — от берегов Атлантики. Первые прокладывали наиболее удобные торговые пути для отправки в метрополию драгоценных металлов, получаемых на приисках Верхнего Перу

(Чукисáки и Потосí), а также сельскохозяйственной продукции, минуя традиционные, но более длительные и поэтому сложные маршруты со стороны Тихого океана через Панаму.

Вторые представляли, главным образом, интересы удобно расположенного для торговли и окруженного плодородными землями Порта Богоматери Добрых Ветров (Пуэрто де Санта-Мария де Буэнос-Айрес, или сокращенно Буэнос-Айреса, еще короче — Бáйреса), жители которого, так называемые «портéньос», стремились продвигать свои и поступавшие из Испании товары в другие центры колониальной империи, прежде всего в Лиму, что вызывало торговые и, как следствие, политические противоречия, но уже между креолами.

Дело дошло до того, что в 1622 г. была создана «сухопутная» таможня в Кóрдобе, где шедшие из Буэнос-Айреса в Лиму товары облагались 50% пошлиной. Это, естественно, вызывало экономические коллизии между частями Испанской Америки и в результате, спустя некоторое время, привело к отделению провинции Рио-дела-Платы от вице-королевства Перу с созданием в 1777 г. отдельной административной единицы в структуре колониального управления — вице-королевства Рио-де-ла-Платы.

Другими причинами его образования, произошедшего именно в это время, были необходимость решения территориальных споров с португальцами, стремившимися захватить с территории Бразилии часть испанских владений в этом регионе, и опасения короны относительно того, что англичане могли начать колонизацию потенциально богатого, но отдаленного и практически не освоенного района Патагонии.

Вице-королю новой колониальной области Хуану Хосé Вéртису и Сальсéдо досталось много проблем. Наряду с продолжением административно-экономических преобразований, начатых после прихода к власти в Испании Бурбонов и направленных на централизацию управления, включавших в себя создание на французский манер военно-финансовых интенденсий, было необходимо организовать становление традиционных для вице-королевств структур: судов, аудиэнсии, гражданских и фискальных служб.

Принципиальную важность имело практическое начало деятельности консула́до (специального органа, регулировавшего торговлю), а также таможни Буэнос-Айреса, особенно после того, как

город в феврале 1778 г. получил статус свободного порта для коммерции с метрополией. Учитывая, что с 1777 г. вступил в силу указ о свободной доставке товаров через Буэнос-Айрес для Перу и Чили, порт на берегах Ла-Платы стал превращаться в ведущий торговый центр в Южной Америке, что существенно сказалось на росте благосостояния его жителей и состоянии городской казны. Этому также способствовал изданный в 1788 г. другой королевский указ, разрешавший экспорт местного зерна в Испанию и вводивший льготы на импорт сюда сельскохозяйственной техники.

В политическом плане особые неприятности доставляли вице-королю португальцы из соседней Бразилии, также получившей (но немного ранее — в 1763 г.) статус вице-королевства. В 1680 г. они основали на восточном берегу Ла-Платы, недалеко от Буэнос-Айреса колонию Сакраменто, ставшую с того времени не только яблоком раздора между Испанией и Португалией, находившейся в сфере английского влияния, но и крупным центром контрабанды на континенте, подрывающим испанскую торговую монополию.

Колония неоднократно переходила из рук в руки в зависимости от соотношения сил между двумя империями в Европе, пока наконец губернатор Буэнос-Айреса Педро де Севальос, впоследствии назначенный первым вице-королем Рио-де-ла-Платы, в 1776 г. в очередной раз не отбил ее у португальцев. По мирному договору Сан-Ильдефонсо, заключенному между Испанией и Португалией в 1777 г., колония, а также семь основанных еще иезуитами миссий на реке Уругвай окончательно перешли к испанской короне.

Здесь надо сказать об особой роли католической церкви в заморских владениях Испании. Дело в том, что еще на момент открытия и начала освоения нового континента папа римский Александр VI поручил католическим королям (так называли Исабель и Фернандо) дело обращения в христианство местных индейцев и передал им права на сбор и распоряжение церковными налогами, а также на назначение священников, высшего духовенства, строительство храмов и монастырей.

Таким образом, возникла система королевского патроната над церковью. За 26 миллионов реалов папа отказался от всех церковных привилегий на территориях испанского королевства. Христианские миссионеры, начиная с Бартоломе де Лас Касаса, поднявшего

первым свой голос в защиту местного населения от произвола конкистадоров, сделали много полезного для приобщения индейцев к цивилизации.

Особенно отличился на этом поприще религиозный орден иезуитов, основавший на территории провинции Рио-де-ла-Плата поселения — «редукции», число которых к середине XVIII в. достигло 30 единиц. Редукции представляли собой особые, изолированные от внешнего мира поселки индейцев, управляемые священниками ордена Иисуса. Впоследствии эта территория стала называться Мисьóнес.

В редукциях царили строгие законы, индейцы получали там зачатки церковного образования, их быт и работа на сельскохозяйственных плантациях подчинялись строгой дисциплине, установленной священниками на основе христианских моральных догм. Плоды труда распределялись между всеми членами общины на принципах, близких к социальной справедливости, поэтому многие индейские племена (особенно населявшая эти места народность гуаранí), с охотой обучались ремеслам и усваивали христианскую религию. Они подчинялись иезуитам и видели в них своего рода опекунов и защитников от крайностей колониальной эксплуатации.

Достаточно вспомнить, что орден с согласия короны запрещал доступ светских властей и креольского населения на данные территории, по существу лишая переселенцев и испанских чиновников источников дохода от использования земель и труда индейцев. Но по мере того как в Испании укреплялась роль монарха и начинали осуществляться робкие либеральные реформы, эта форма «государства в государстве», фактически предполагавшая нахождение там сторонней власти, стала вступать в противоречие с потребностями централизованного управления. Необходимо было сломить конкурировавшие корпоративные организации, зачастую выступавшие против проводимых изменений.

В результате в 1767 г. иезуиты, которых обвинили в подготовке мятежа против министра Эскилáче в Мадриде, были изгнаны из испанских владений. Хотя указанная мера не способствовала укреплению авторитета короля Карлоса III среди населения колоний, губернатор Рио-де-ла-Плата Франсиско де Пáуло Букарéлли выполнил королевский приказ, отправив священников в Европу. Новый Свет покинули более 3 тысяч иезуитов. Многие из них, такие как Рикар-

до де Гусмáн, затем стали одними из первых распространителей идей независимости колоний от власти Испании. Сами же редукции перешли в управление испанской администрации, но постоянно подвергались набегам португальцев, занимавшихся работоторговлей и стремившихся отторгнуть от Испании эти земли.

\* \* \*

На другом конце Американского континента располагались вице-королевство Перу и генерал-капитанство Чили. Ведущая роль в торгово-хозяйственном освоении и развитии данного региона принадлежала Лиме. Можно сказать, что изначально испанская торговая монополия, начинавшаяся в Севилье, заканчивалась в Лиме. Отсюда через местных посредников в лице лимских торговцев приходившие из Испании товары, а также доставляемая сюда контрабанда перепродавались во внутренние аграрные районы и другие области колониальной империи, расходились по провинциям, генерал-капитанствам и вице-королевствам.

В результате в столице Перу сосредоточивалась значительная часть колониального богатства Южной Америки. Другими словами, на внутреннем рынке колоний установилась жесткая торговая монополия Лимы, которая дополняла и усиливала тяготы торгового господства испанских купцов.

Интересно, что на тихоокеанском побережье или, как ее называли, «кóста», получил развитие аграрный капитализм на базе феодальных поместий — «асьéнд», где также отличился орден иезуитов, который создал широкую сеть плантационных хозяйств по выращиванию сахара и винограда. Их продукция стала конкурировать с аналогичными испанскими товарами, что неоднократно вызывало введение запретов со стороны короны, а в итоге явилось еще одной причиной изгнания ордена из испанских владений в Америке.

По мере того как испанские короли под давлением обстоятельств приступили к либерализации заморской торговли, монополия лимских посредников и предпринимателей «косты» на торговые операции в этой части континента стала утрачиваться. Была отменена «сухая» таможня в Кордобе, в Лиму через Буэнос-Айрес хлынул поток более дешевых европейских тканей, подрывавший местное произ-

водство хлопка и текстильную промышленность. Серебряные слитки из Потосí, производившего 85% американского серебра, уходили в Европу опять же через Буэнос-Айрес, обслуживая атлантическую торговлю и минуя Лиму.

Как следствие, местные креолы попали в сложное положение, их доходы резко упали. Это вызывало рост недовольства политикой метрополии. Сложившаяся ситуация вынудила креольские властные структуры ввести так называемое «репáрто» — принудительную систему торговли-распределения на внутреннем рынке по грабительским спекулятивным ценам, что в свою очередь вызвало резкий протест местного индейского населения, вылившийся в ряд восстаний.

Крупнейшим из них стала крестьянская война, развернувшаяся в 1780 г. под руководством Хосé Габриэля Кондоркáнки или, как он сам себя назвал в память о вожде инкского сопротивления испанским колонизаторам, Тупак Амару II. И хотя эти выступления были потоплены в крови и подавлены королевскими войсками, они стали предвестниками континентальной войны за независимость и положили начало закату владычества феодально-монархической Испании в Америке.



\* \* \*

Чили в указанный период времени переживала относительно спокойный период: произошло расширение территории генерал-капитанства, включая выход в центральной его части на восточные склоны Андских гор, граничившие с территориями, входящими в состав провинции Рио-де-ла-Платы. В южных районах практически завершилось покорение индейцев араукáн (мапуче), последняя битва испанских колонистов с которыми произошла в 1770 г. Закладывались новые города и поселения.

После разрушительного землетрясения 1751 г. были восстановлены старые колониальные центры Консепсьон и Чильян. Своим порядком, с согласия Королевского совета по делам Индий, сменялись губернаторы. У одного из них — дона Амбрóсио О'Хиггинса 20 августа 1778 г. родился внебрачный сын Бернáрдо, которому затем суждено было сыграть выдающуюся роль в борьбе за независимость этих земель и стать основателем новой республики.

Еще ранее на другом конце Южной Америки в далекой провинции Карáкас (или Венесуэла), входящей в вице-королевство Санта-Фе-де-Боготá, 28 марта 1750 г. в семье испанского торговца с Канарских островов появился на свет Франсиско де Мирáнда — первый креол, вошедший в мировую историю как предтеча независимости американских колоний Испании. К моменту начала нашего рассказа он после 20 лет жизни в Каракасе прибыл в Испанию, где в 1772 г. поступил на военную службу.

Когда в 1779 г. король Испании признал независимость английских владений в Северной Америке, провозглашенной 4 июля 1776 г., Миранда сначала в составе испанского экспедиционного корпуса, направленного в Гавану, а затем, будучи помощником испанского губернатора Бернардо Гáльвеса в Пенсакóле (Флорида), принял участие в войне за их освобождение от колониального господства Англии. В 1781 г. испанцы установили контроль над реками Миссисипи и Огайо, препятствуя снабжению английской армии в северных районах восставших колоний.

В 1785 г., уже находясь в Лондоне, Миранда порвал с Испанией и военной службой испанской короне. В том же году началось его первое путешествие по Европе, которое продлилось целых четыре года (до 1789 г.), когда в Париже вспыхнула буржуазная революция, явившаяся переломным рубежом в истории западной цивилизации, составной частью которой к этому времени уже прочно стали испанские колонии в Вест-Индии и сложившаяся в них креольская нация.

Все эти годы Миранда активно занимался самообразованием, знакомился с трудами европейских философов, устанавливал связи с выдающимися людьми своего времени, пытаясь осмыслить современную практику революционных преобразований, начавшихся в Европе и Новом Свете, постоянно обдумывая пути политического и экономического освобождения как своей родины — Венесуэлы, так и всех испанских владений в Южной Америке. По словам русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова, лично знавшего Миранду, венесуэльца отличало стремление «освободить отечество свое Америку от ига гишпанского».

Одним из практических результатов его исканий стало знакомство с европейскими масонами, организации которых были призваны в условиях назревавшей смены общественно-экономических

формаций стать приводным ремнем осуществления либерально-буржуазных идей. Еще в 1780 г. граф Арáнда и граф Калиóстро создали в Испании независимые от англичан масонские ложи, которые первыми опробовали эту практику в борьбе против королей.

Уже к концу XVIII столетия Миранда учредил в Лондоне ложу «Большая встреча американцев», впоследствии открывшую свои филиалы в Мадриде, Кадисе и во многих городах испанской Америки и оказавшую огромное влияние на подготовку и ход борьбы за ее независимость от испанского колониального господства.

В это же самое время в Каракасе (Венесуэла) 23 июля 1783 г. в богатой аристократической семье родился Симон Боливар, ставший впоследствии одной из ключевых, а, пожалуй, самой символической, хотя и противоречивой фигурой целой эпохи, связанной с войной за независимость испанских колоний. Так получилось, что Боливар был лишен нормального детства, потеряв в три года отца, а затем и мать.

Став наследником значительного состояния, он находился на попечении своего дяди Карлоса Палáсиоса, приставившего к племяннику лучших педагогов, которых можно было найти в то время в этой далекой, ничем особо непримечательной колониальной провинции. Уже в 16 лет Боливар отправился в Испанию к другому своему родственнику — Эстебану Паласиосу, довольно влиятельному испанскому вельможе при королевском дворе, рассчитывая с его помощью начать карьеру. Но судьба распорядилась по-иному!

\* \* \*

Количество жителей испанских колоний в Америке к концу XVIII в. достигло 15,2 миллиона человек. Примерно 20% составляли белые, а из них 95% — креолы. Несмотря на различие в происхождении, социальном статусе, они имели преимущественно испанские корни, но в большинстве своем уже осознавали себя частью новой нации, являясь доминирующей, особенно в хозяйственном и торговом отношении, прослойкой колониального общества, лишенной, тем не менее, политической власти.

В те времена все властные рычаги были сосредоточены в руках административного класса, формируемого из представителей метрополии, что составляло 5% от общей численности населения

Вест-Индии. Достаточно сказать, что из 170 вице-королей истории колониального периода только четверо родились в Америке, а из 602 генерал-капитанов только 14 могли назвать себя креолами.

Поскольку низшие должности в кабильдо (муниципалитетах) по сложившейся практике отдавались на откуп (фактически просто продавались креолам), это порождало между ними соперничество за власть с вышестоящими инстанциями, в том числе появившимися позже, после проведения Бурбонами реформы управления, интендэнсиями, укомплектованными «гóдос», «гачупíнос» или «мантуáнос», как презрительно называли в колониях выходцев из Испании.

Таким образом, креолы, будучи в своей массе зажиточными и образованными людьми, составлявшими элиту колониального общества и чувствовавшими себя хозяевами на своей земле, особенно после создания ими местных ополчений, то есть собственных вооруженных формирований для защиты от внешней агрессии, прежде всего со стороны англичан и португальцев, были ущемлены в правах и фактически продолжали находиться в униженном, зависимом положении от бюрократических представителей испанской короны. Они были лишены многих экономических привилегий, особенно в области чрезвычайно выгодной торговли с другими европейскими странами. Монополия на ее поддержание, невзирая на ряд уступок, в течение длительного времени сохранялась за Испанией и начала ослабевать только во второй половине XVIII в.

Все это порождало серьезные противоречия, которые вписывались в контекст общего кризиса, переживаемого Западной Европой на рубеже XVIII–XIX вв. Иными словами, освобождение Америки от колониального господства Испании явилось одним из звеньев в общей цепи революционных изменений того времени. Война за независимость логически вписывалась в общий ход исторических событий гигантской «гражданской войны» между феодальной и буржуазной формациями, охватившей к тому времени уже многие страны Европейского континента.

Таковы в общих чертах главные события и определяющие тенденции развития во внутренней жизни и международном положении Испании и ее колоний в Америке в интересующий нас период. Они имеют непосредственное отношение к дальнейшему повествованию и помогают правильно понять факты личной жизни людей той

эпохи. Автору показалось правильным предварительно изложить их именно в такой последовательности, историческом и географическом ракурсах, чтобы помочь читателю погрузиться в события того времени в настоящих историко-психологических зарисовках, посвященных жизненному пути Хосе Франсиско де Сан-Мартина.

## ОТЧИЙ ДОМ

25 февраля 1778 г. помощник губернатора провинции Мисьóнес — Хуан де Сан-Мартин был взволнован. Только что в его рабочий кабинет в бывшей иезуитской школе — «колéхио», откуда он каждый день скрупулезно занимался ведением хозяйства и организацией защиты вверенной ему в управление индейской общины бывшей иезуитской редукции Япею, а также нескольких других расположенных поблизости поселений — «пуэблос» и ряда принадлежащих короне асьéнд, сломя голову вбежала индианка Юпíта, помогающая по хозяйству его жене — донье Грегории.

— Сеньор, — запыхавшимся голосом выпалила служанка, — какое счастье, Бог дал вам еще одного ребенка. Мальчик, такой крепенький, такой красивый, сразу видно, будет военным, как и его отец. А как он похож на своих родителей, — причитала она.

Потом, задумавшись немного и посмотрев сквозь небольшое распахнутое окно, выходившее на центральную площадь, где в жарком и влажном полуденном воздухе покрытые красно-желтой пылью величественно возвышались пышные тропические пальмы, вдруг с серьезным видом, неожиданным для нее самой, произнесла:

— Но он дитя этой земли, как хорошо, что он будет расти здесь, вместе с нами.

И, видимо, засмуцавшись этих простых слов, выразивших ее искренние чувства, повернулась и быстро вышла из комнаты.

Дон Хуан спешно последовал за ней. Пройдя галерею с деревянными колоннами, поддерживавшими череду полукруглых арок, он сбегал по широкой открытой лестнице на первый этаж, где помещались несколько прохладных, отделанных темным деревом комнат, составлявших скромное жилье его уже немаленькой семьи, и стремительно вошел в спальню.

Первое, что увидел счастливый отец, были радостные глаза доньи Грегории. Еще не успев прийти в себя после боли и потуг родовых схваток, едва ополоснув с помощью двух индейских женщин из стоявшей рядом бадьи пот и кровь совершенного ею великого таинства, она бережно прижимала к груди завернутого в чистую хлопковую ткань их только что увидевшего свет сына. Взглянув на мужа, женщина улыбнулась и устало прикрыла глаза. Дон Хуан приблизился к жене, нежно взял ее руку, нагнулся и поцеловал ее. Потом, постояв немного рядом с постелью, переполненный уже не в первый раз испытываемыми отцовскими чувствами, повернулся и тихо вышел на террасу.

\* \* \*

Прошло уже почти семь лет с тех пор, как Хуан де Сан-Мартин, будучи офицером ополчения Буэнос-Айреса и находясь в длительном отсутствии по делам службы, заключил с помощью друзей, прежде всего капитана драгунского королевского полка Франсиско Сомáля, которому он оставил скрепленную печатью нотариуса доверенность на ведение личных дел, церковный брак с девицей Грегорией Матóррас. Молодая женщина согласилась разделить с мужем тяготы нелегкой военной службы в далекой заморской провинции Южной Америки, принадлежавшей их родной Испании и называвшейся вице-королевством Рио-де-ла-Плата.

За прошедшие годы в семье родились несколько детей: старшая дочь Мария Элэна и трое сыновей — Хуан Фермíн, Мануэль Тодéо и Хусто Руфíно. Сейчас, в день, когда судьба подарила ему четвертого сына, которого родители уже до этого решили назвать Хосе Франсиско, дон Хуан, присев на скамью, стоявшую на улице у дверей их казенной квартиры в тени разросшегося фикуса, и оглядываясь на пройденный путь, еще раз с удовлетворением сказал себе, что его детям не придется стесняться своих родителей.

Чистота дворянского происхождения испанских идалго, исключавшая по существовавшим тогда правилам присутствие в родословной арабской и еврейской кровей, а также людей низших сословий, должна гарантировать им карьеру и успех в испанской империи.

Существование короля и монархии казалось ему вечным и неизблемым, составлявшим твердую, почти осязаемую основу доступного мироздания, освещенную вековыми традициями далекой родины, оправдывающим нахождение здесь его самого и всей семьи. Короне служило не одно поколение их предков. Не зря же они с матерью делают все, чтобы поставить на ноги и обеспечить счастливую жизнь своим отпрыскам, выполняя долг перед королем в этой забытой Богом глуши.

В памяти всплывали воспоминания. Вот он первый раз увидел в салоне у одного из членов кабильдо Буэнос-Айреса будущую жену. Стройная черноволосая девушка с выразительными карими глазами и тонкими чертами лица, стоявшая в окружении подруг, сразу привлекла внимание дон Хуана, уже давно прибывшего из Испании в надежде сделать здесь быструю карьеру после 16 лет безупречной военной службы королю на Иберийском полуострове.

Его земляк, капитан инфантерии Хуан Вáскес, рассказал ему тогда, что донселья Грегория приходилась родственницей испанцу Херóнимо Матóррасу. Возвращаясь из Мадрида, где Маторрас получил назначение на пост губернатора провинции Тукумáн, он привез в Буэнос-Айрес свою племянницу, оставшуюся к тому времени сиротой из-за смерти родителей, ранее проживавших в Леоне, как раз недалеко от тех мест в Старой Кастилье, где родился и вырос сам дон Хуан.

После представления и первого знакомства между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, обусловленная схожестью их происхождения, социального положения и жизненных устремлений, быстро переросшая затем в сильное чувство. Через три месяца они объявили о помолвке, а еще через некоторое время сочетались браком в отсутствие самого жениха, получившего перед этим приказ начальства об участии в военной экспедиции и вынужденного срочно покинуть столицу провинции.

В это время дядя его жены, не встретив понимания своих планов со стороны бывшего тогда губернатором Рио-де-ла-Платы Франсиско де Пауло Букарелли, испытал острые превратности судьбы. Будучи арестован в Верхнем Перу, затем оправдан в Лиме, он все-таки прибыл в Тукуман, где совершил поход в Чáко, усмирив местных индейцев, но вскорости умер.